

Ю. С. ТОКАРЕВ

ДОКУМЕНТЫ НАРОДНЫХ СУДОВ (1917—1922 гг.)

Ценность судебных материалов для изучения истории послеоктябрьского периода состоит в том, что они — главный источник о деятельности советского суда, являющегося важной составной частью советского государственного аппарата. В настоящей статье делается попытка охарактеризовать документы народных судов с 1917 г. до судебной реформы 1922 г.¹

25 октября 1917 г. в результате победоносного вооруженного восстания петроградских рабочих и солдат государственная власть в стране перешла к трудящимся. Новой рабоче-крестьянской власти сразу же пришлось встретиться с ожесточенным сопротивлением со стороны буржуазии. «...После первого серьезного поражения свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесатеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого „рая“...».² Главная партия буржуазии — кадетская — в широких масштабах организует саботаж чиновников государственного аппарата, мятежи, контрреволюционную и погромную агитацию. Одновременно в результате дезорганизаторской работы буржуазии и разгула мелкобуржуазной анархии, сопровождающего обычно крутые повороты истории, усиливается общеуголовная преступность.

В этих условиях Коммунистическая партия и Советское правительство большое внимание уделяют организации судебных органов для борьбы как с прямыми врагами Советской власти из лагеря контрреволюционной буржуазии, так и с элементами разложения старого общества — спекулянтами, мародерами, ворами и т. д., причем решающее значение в этом деле они придают рево-

¹ Судебной реформой 1922 г. в нашей юридической литературе принято называть организационную перестройку советского суда, предпринятую в период с мая по ноябрь 1922 г. В результате этой перестройки было ликвидировано разделение советских судов на параллельные системы революционных трибуналов и народных судов и введена единая система: народный суд — губернский суд — верховный суд РСФСР. Одновременно были приняты положения об адвокатуре, прокурорском надзоре и судоустройстве РСФСР.

² В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 233.

люционной активности масс. «Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства или в скрывании запасов хлеба и продуктов или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу мира, делу передачи земли крестьянам, делу обеспечения рабочего контроля за производством и распределением продуктов»,³ — говорилось в воззвании Совета Народных Комиссаров (СНК) от 5 ноября 1917 г. «К населению». Аналогичные призывы содержались в обращении председателя СНК В. И. Ленина от 9 ноября 1917 г. к солдатам,⁴ предписании СНК Военно-революционному комитету при ВЦИК от 12 ноября 1917 г.⁵ и в ряде других обращений и воззваний к народу.

Призывы Коммунистической партии и Советского правительства об охране строжайшего революционного порядка имели огромное мобилизующее значение для всенародного подъема революционной активности масс в этой области. Трудящиеся города и деревни, не ожидая издания центральной властью специальных декретов, стали по собственному почину создавать революционные и военно-революционные суды, народные трибуналы и другие органы народного правосудия. Первоначально новые суды создавались в промышленных центрах. Еще до издания декрета СНК о суде от 22 ноября 1917 г. в Петрограде, Москве, Самаре, Ревеле и других городах принимались и проводились в жизнь решения о создании революционных судебно-следственных органов. Почин пролетарских центров был подхвачен по всей стране.⁶

Главная роль в создании революционных судов принадлежала Советам, которые формировали новый судебный аппарат из выборных представителей рабочих, солдатских и крестьянских организаций. Так, в Петрограде Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов в последних числах октября 1917 г. создал

³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 266.

⁴ Там же, стр. 280.

⁵ Там же, стр. 296.

⁶ Организация и деятельность первых революционных судов освещена в следующих работах: М. В. Кожевников. История советского суда. М., 1948; Ю. С. Токарев. К истории народного правотворчества в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Исторические записки, т. 52. М., 1955, стр. 49—79; И. А. Ушаков. Создание первого народного суда в Петрограде. Советское государство и право, 1957, № 1, стр. 3—12, и др. Документы об организации революционных судов в Петрограде опубликованы нами в подборке «Первые народные революционные суды в Петрограде» (Исторический архив, 1957, № 1, стр. 107—128).

народный суд из представителей районного Совета, районной управы, совета домовых комитетов, бюро профсоюзов и фабрично-заводских комитетов.⁷ Аналогичными были составы революционного суда Петергофского района, учрежденного по примеру Выборгского района Петергофским районным Советом 16 ноября 1917 г., и народно-революционного суда Петроградской стороны.⁸ В Спаском и Пороховском районах Петрограда суды состояли из представителей, избранных районными Советами рабочих и солдатских депутатов.⁹

В Самаре постановлением соединенного заседания местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 18 ноября 1917 г. в целях борьбы со спекулянтами, ворами, грабителями и другими уголовными элементами был организован революционный суд в составе 9 членов. Выборы в суд производились отдельно каждой секцией Совета.¹⁰

На широко демократических началах строился революционный суд в Сибири. В Ачинске, например, местный Совет рабочих и солдатских депутатов в ноябре 1917 г. принял постановление об организации временного революционного суда в составе трех представителей Совета, двух — от железнодорожников Минусинской и Томской железных дорог, по одному — от союзов рабочих, служащих и солдаток.¹¹ Революционный суд был создан и в Енисейске по решению Енисейского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов от 24 ноября 1917 г. В состав суда входили представители Совета и по шести представителей от рабочих и гарнизона города.¹² Такого рода суды создавались и в других городах.

Революционное творчество масс в области создания советского суда высоко оценил В. И. Ленин. Он писал: «... революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата».¹³

Итак, первым этапом советского судебного строительства было создание революционных судов до опубликования декрета СНК от 22 ноября 1917 г. Поэтому рассмотрение вопроса о документации народных судов как историческом источнике следует начать с анализа материалов первых революционных судов.

⁷ Правда, 1 ноября 1917 г.; Исторический архив, 1957, № 1, стр. 110.

⁸ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 116, 117.

⁹ Там же, стр. 119, 123.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 383, оп. 3, д. 322, л. 359; Революция 1917 г. в Самарской губернии (хроника событий). Самара, 1927, стр. 307.

¹¹ Известия Енисейского губернского народного комиссариата, 19 ноября 1917 г.

¹² Рабоче-крестьянская газета, 13 декабря 1917 г.

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 236.

¹⁰ Вопросы историографии

Материалы эти чрезвычайно скудны и отрывочны.¹⁴ Фондов революционных судов, созданных до опубликования декрета СНК от 22 ноября 1917 г., в государственных архивах не имеется. Сохранилось лишь очень небольшое количество судебных дел и отдельных судебных документов, которые встречаются в составе фондов судов, учрежденных по декрету СНК о суде № 1, а также фондов учреждений и организаций, создававших суды и руководивших ими, — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, военно-революционных комитетов, фабзавкомов, комитетов в частях армии и флота, отделов и комиссариатов юстиции местных Советов и т. д. Некоторые судебные документы полностью или же в извлечениях были опубликованы в большевистских, советских и иных газетах.

Сохранившиеся источники позволяют сделать заключение о существовании двух видов судебного делопроизводства: 1) когда каждому уголовному или гражданскому делу соответствовало отдельное судебное дело и 2) когда судебные документы включались в дела несудебного делопроизводства.

Покажем эти различия на примерах временных революционных судов Александровского подрайона Невского района и Выборгского района Петрограда. В Александровском временном революционном суде каждому делу по обвинению одного лица или группы лиц в совершении каких-либо преступлений соответствовало отдельное судебное дело, что подтверждается наличием в фонде его приемника — народного суда I отделения Невского района двух дел, рассмотренных им.¹⁵ В этих делах исходящие документы подписаны судьями. По-иному велось делопроизводство временного революционного суда Выборгской стороны. Здесь в одном деле собраны все документы, связанные как с организацией суда, так и с рассмотрением им самых различных уголовных и гражданских дел,¹⁶ причем исходящие документы чаще всего подписаны должностными лицами районного Совета.

Рассмотрение вопроса о составе и содержании материалов первых революционных судов требует определенной группировки документов. Наиболее четкой и обоснованной нам представляется группировка по видам документов. Конечно, большое разнообразие видов судебных документов, созданных при отсутствии общероссийского судебного-правового законодательства, затрудняет объеди-

¹⁴ На это обстоятельство обращают внимание и другие исследователи. Например, Д. С. Карев пишет: «Сведения о формах организации и деятельности созданных по почину местных Советов революционных судов в первый период существования Советского государства чрезвычайно скудны» (Д. С. Карев. Советское судоустройство. Госюриздат, 1951, стр. 60).

¹⁵ ГАОРСС ЛО. ф. 205 оп. 27, дд. 1 и 2.

¹⁶ Там же, ф. 148, оп. 1, д. 28.

нение их в группы по этому принципу. Однако, учитывая, что судебно-организационные функции сосредоточивались тогда только в Советах, а деятельность судов развивалась преимущественно по одному руслу — в направлении борьбы за установление и охрану революционного порядка, и все это способствовало известному единообразию судебных документов, группировка их по видам не представляется невозможной.

К наиболее типичным разновидностям судебных документов относятся: протоколы и акты следственных комиссий, Красной гвардии и милиции с данными о правонарушениях, заявления потерпевших, исковые заявления по гражданским делам, документация о подготовительных к суду действиях (повестки обвиняемым, истцам, ответчикам, свидетелям, защитникам и обвинителям, постановления о предании суду и т. п.), протоколы судебных заседаний, приговоры, решения и определения судов, жалобы обвиняемых и других участников процесса на судебные приговоры и решения.

Среди этих документов наибольшее значение имеют протоколы заседаний революционных судов, поскольку именно в них наиболее всесторонне отражены материально-правовые и процессуальные положения, сложившиеся в судебной практике. Покажем это на примере протокола заседания временного революционного суда Выборгского района от 8 ноября 1917 г.¹⁷ — единственного сохранившегося протокола первого в Петрограде народного суда. Он представляет собой запись хода судебного заседания, на котором рассматривалось последовательно 17 дел. По каждому делу в протокол заносились показания обвиняемого и свидетелей, выступления обвинителей и защитников (если они имелись) и заключительное постановление суда. Записи эти весьма лаконичны. Для наглядности приведем одну из них:

«ДЕЛО ЛЕОНИДА ПАВЛОВА.

Обвиняемый: Был пьян, купил [вино] у встречного солдата за 5 рублей на Чугунной улице. Пил впервые.

Свидетель: Указывает, что знает 4 года Павлова как трезвенника.

Постановление суда: Считать Павлова оправданным и взять подписку о трезвости».¹⁸

Несмотря на такую лаконичность отдельных записей, протокол, взятый в целом, дает общее представление об основных моментах деятельности суда. В частности, из протокола видно, что дела поступали в суд от следственной комиссии при районном Совете,

¹⁷ Там же, лл. 8—12.

¹⁸ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 113.

Красной гвардии и милиции. Некоторые обвиняемые доставлялись в суд красногвардейцами и милиционерами непосредственно с места нарушения. Суд рассматривал дела по обвинению в кражах, спекуляции, хулиганстве, пьянстве и бродяжничестве. В ходе судебного заседания обвиняемые пользовались правом давать показания и объяснения. Судом допускались обвинители и защитники из числа присутствовавших на заседании граждан. Основным видом судебных доказательств были показания свидетелей. Постановления по рассмотренным делам принимались судьями коллегиально. В круг наказаний, применявшихся судом, включались: 1) лишение свободы на срок до нескольких лет; 2) общественные принудительные работы; 3) конфискация имущества; 4) денежный штраф; 5) общественное порицание в публичном заседании суда; 6) доведение до сведения организации, где работает осужденный, о совершенном им правонарушении. Наказания эти назначались судьями на основе революционной совести и правосознания без каких-либо ссылок на старые законы. Постановления суда могли быть пересмотрены им же после получения новых данных по делу.

Наряду с протоколами судебных заседаний сведения об основаниях судебной ответственности и видах наказаний содержат приговоры и решения революционных судов (когда они оформлялись в виде самостоятельных документов). Как правило, в них после вступительной формулы «Именем Российской республики» или «Именем революционного народа» излагалось заключение суда по вопросам виновности подсудимых или же судьбы гражданского иска и затем указывалась мера наказания, а в гражданских делах — гражданско-правовая санкция. Приговоры и решения подписывались всем составом суда.

До нас дошло крайне небольшое количество приговоров и решений первых революционных судов. В их числе приговоры временного революционного суда Александровского подрайона Невского района Петрограда по делу красногвардейца А. Николаева, приговоренного к лишению звания красногвардейца за хулиганские поступки,¹⁹ и по делу К. Иванова, К. Гриневич и А. Гриневич, обвинявшихся в бродяжничестве и присужденных к высылке из Петрограда.²⁰ В газете «Красноярский рабочий» был опубликован приговор народно-революционного суда Енисейского уездного Совета по делу двух спекулянтов, рассмотренному судом 24 ноября 1917 г. Оба спекулянта приговаривались к лишению свободы на срок в шесть месяцев, и, кроме того, суд постановил лишить обоих подсудимых права торговли. «о чем поставить в известность все уездные Советы рабочих, солдатских и крестьянских

¹⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 205, оп. 27, д. 1, л. 2.

²⁰ Там же, д. 2, л. 3.

депутатов и центральную власть в губернии на предмет широкой публикации в органах печати на местах».²¹

Существенное значение для изучения деятельности революционных судов имеют документы, на основании которых суды принимали к своему производству уголовные дела. К ним относятся: заявления потерпевших, протоколы, акты и заключения следственных комиссий, Красной гвардии и милиции, содержащие данные о привлекаемых к суду лицах. Эти документы ценны в том отношении, что они дополняют сведения о фактической стороне правонарушений, имеющиеся в протоколах судебных заседаний. Так, в упоминавшемся выше деле Александровского временного революционного суда по обвинению А. Иванова, К. Гриневич и А. Гриневич, где протокол судебного заседания вовсе отсутствует, а в приговоре фактическая сторона правонарушения не раскрыта, единственным документом, позволяющим получить представление о фактических обстоятельствах дела, является акт Александровского пригородного комиссариата милиции.²² В нем говорится о задержании красногвардейцами Обуховского района обвиняемых по данному делу, проживавших в шалашах в лесу за Преображенским кладбищем и не имевших ни работы, ни документов. Понятно, что без этого документа разобраться в фактической стороне совершенного правонарушения было бы невозможно.

Аналогичного характера документы содержатся в деле временного революционного суда Выборгского района. В нем представлены протоколы допросов обвиняемых и свидетелей начальниками заводских отрядов Красной гвардии совместно с членами заводских комитетов и акты подрайонных комиссариатов милиции.²³ В этом же деле встречаются заявления граждан по делам о клевете и оскорблениях. На них имеются резолюции председателя суда о назначении дел к слушанию.²⁴

Весьма распространенным видом судебных документов являются жалобы на приговоры и решения судов. Но в составе делопроизводства первых революционных судов они почти не встречаются по той причине, что судов второй инстанции создано не было и судебные постановления носили в подавляющем большинстве случаев окончательный характер. Из встречающихся, в виде редких исключений, жалоб на судебные приговоры и решения видно, что они преимущественно адресовались соответствующим Советам рабочих и солдатских депутатов. Например, в деле Выборгского временного революционного суда имеется жалоба группы солдат на приговор суда, по которому они были подвергнуты наказанию

²¹ Красноярский рабочий, 13 декабря 1917 г.

²² ГАОРСС ЛО, ф. 205, оп. 27, д. 2, л. 1.

²³ Там же, ф. 148, оп. 1, д. 28, лл. 19—21, 23.

²⁴ Там же, лл. 27—30.

в виде принудительных работ сроком на один год каждый. Солдаты просили районный Совет пересмотреть их дело.²⁵ Из другого документа этого же дела (отношение Выборгского райсовета от 14 декабря 1917 г.)²⁶ видно, что райсовет рассматривал жалобы на решения суда в качестве кассационной инстанции.

Рассмотренные выше документы, отложившиеся в делопроизводстве первых революционных судов, имеют наибольшую, по сравнению с другими судебными документами, историческую ценность, так как они дают возможность получить представление о фактической и юридической сторонах какого-либо судебного дела в целом. Это не означает, однако, что другие виды судебных документов, отражающие отдельные, частные моменты судебной деятельности, не следует принимать во внимание. Речь идет, в частности, о таких, казалось бы, второстепенных документах, как повестки, переписка судов об исполнении приговоров и решений, объявления о рассмотрении дел и т. д., которые тем не менее при умелом использовании могут дать ценные сведения.

В качестве примера укажем на имеющиеся в деле временного революционного суда Выборгского района судебные повестки. Вот текст одной из них:

«Кулагин Ник., Петров Ив., Морозова Ек., Стурлис Ф.

Просим явиться во временный революционный суд 27 ноября 1917 г. к 6 час. вечера в качестве обвинителя по делу Ураловой.

Суд помещается по Симбирской ул., дом Михайловского артиллерийского училища при Совете раб. и солд. деп. Выб. района.

Явка обязательна.

Председатель суда Чакин».²⁷

Данный документ позволяет сделать заключение, что суд, кроме прочих категорий дел, разбирал дела частного обвинения, т. е. по жалобам потерпевших, причем их явка в суд была обязательной. Кроме того, из повестки видно, что судебные заседания проводились вечером, после окончания работ на фабриках и заводах, с тем, чтобы создать благоприятные условия для посещения суда трудящимися. Таким образом, даже такой второстепенный документ, как повестка, помогает выяснению важных процессуальных положений, сложившихся в судебной практике.

Оценивая материалы первых революционных судов в целом, прежде всего следует отметить, что предметом исследования служит здесь лишь ничтожно малая часть судебной документации, так как основная ее часть утрачена. При этом и те немногие документы, ко-

²⁵ Там же, л. 33.

²⁶ Там же, л. 34.

²⁷ Там же, л. 26.

торые сохранились, зачастую не образуют компактных групп, а преимущественно рассредоточены по другим документальным комплексам. Такое положение вещей не дает возможности сделать соответствующих обобщений не только общероссийского, но даже и местного масштаба. Имеющиеся судебные документы в том виде, как они отложились, позволяют, и то не во всех случаях, охарактеризовать основные моменты материально-правовой и процессуальной практики лишь нескольких конкретных судов, а таких судов были сотни, если не больше. Поэтому при использовании материалов первых революционных судов для целей исторического исследования необходимо привлекать и другие источники, позволяющие дополнить данные судебных материалов как в отношении тех процессов и явлений, которые вызывали реакцию суда, так и в отношении организации и деятельности суда.²⁸

Отмеченные обстоятельства не лишают, однако, документы первых революционных судов большой исторической ценности. В данном отношении прежде всего следует отметить, что в этих документах раскрыты такие существенные стороны классовой борьбы непосредственно после Октябрьского переворота, как сопротивление

²⁸ Такие источники представляют собой материалы, отложившиеся в делопроизводстве Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, отделов и комиссариатов юстиции местных Советов и других организаций и учреждений, создававших суды и руководивших ими, а также материалы из периодической печати и ведомственных изданий. Виды документов, встречающиеся в этих источниках: постановления об учреждении судов, положения, инструкции, отчеты о работе судов, газетные информации и отчеты о судебных заседаниях, судебно-организационная переписка и др. В частности, до нас дошли Положение о Гельсингфорсском народном суде (Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих, 28 ноября 1917 г.), Правила о народном суде Кузнецкого уезда Томской губернии (Материалы НКЮ, вып. 2. М., 1918, стр. 39) и другие нормативные акты по судебному строительству. Сохранилось несколько отчетов о деятельности революционных судов. Среди них отчет комиссара юстиции Совета рабочих и солдатских депутатов Пороховского района о работе Пороховского временного революционного суда (Исторический архив, 1957, № 1, стр. 123—124). Ряд отчетов был опубликован в ведомственном издании «Материалы НКЮ»: «Краткая записка о судах революционного времени в Тимском уезде Курской губернии», доклады комиссаров юстиции Саратовской и Ставропольской губерний на первом всероссийском съезде деятелей советской юстиции в апреле 1918 г. (Материалы НКЮ, вып. 5, стр. 15—21; вып. 2, стр. 5, 32—35). Кроме делопроизводственных источников о революционных судах, сведения о них содержат большевистские, советские и другие газеты, как центральные, так и местные. В газетах «Правда», 14 (1) ноября и 14 (1) декабря, «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 8, 9 и 30 ноября, «Новая жизнь», 8 (21) ноября 1917 г., помещены материалы об организации и работе революционных судов Выборгского и Петроградского районов. В «Рабоче-крестьянской газете», 13 декабря 1917 г., имеется отчет о заседании Енисейского народно-революционного суда 24 ноября 1917 г. Данные о революционных судах встречаются и в других газетах.

контрреволюции и мелкобуржуазной анархии порядкам, установленным Советской властью, и подавление этого сопротивления революционным народом. Разумеется, материалы революционных судов не являются единственными источниками об упомянутых процессах, но они с большей, чем другие источники, конкретностью позволяют вскрыть формы сопротивления враждебных Советской власти элементов и формы, пути и методы борьбы с ними.

Как видно из судебных материалов, наибольший удельный вес в общей массе преступлений падал на спекуляцию, грабежи (или, как их называли в то время, налеты), кражи, хулиганство и пьянство. Это подтверждается и данными других источников. В «Известиях ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 9 ноября 1917 г., приводятся следующие сведения о круге дел, рассмотренных в первых заседаниях временного революционного суда Выборгского района: «Дела, рассмотренные в двух сессиях 4 и 6 ноября (их 20—25 шт.), по составу преступления можно квалифицировать на две основные группы: 1) спекуляция, скупка краденого, продажа спиртных напитков..., 2) хулиганство, пьянство, воровство, буйство...». По тому же примерно пути направлялась карательная деятельность временного революционного суда Пороховского района Петрограда. «В первые 2—3 недели работа суда шла исключительно в разборе чисто административных дел, так как раньше местной властью было слишком мало обращено внимания на развивавшееся в районе как хищение спирта, так равно на пьянство, в связи с которыми шло воровство, всевозможные азартные игры, на почве которых происходили бесчинства и в сильной степени развивалось хулиганство», — сообщалось в докладе комиссара юстиции Пороховского района.²⁹

Особенно опасным для революционного народа было широкое развитие спекуляции. Организованный контрреволюционной буржуазией саботаж служащих продовольственного аппарата, умышленная дезорганизация системы снабжения, расстройство транспорта — все это вызвало настоящий разгул спекуляции. Он был на руку контрреволюции, которая пыталась использовать усугубляемый спекулянтами голод для организации анархических выступлений, погромной агитации и других антисоветских эксцессов. В документах революционных судов содержатся конкретные данные о преступной деятельности спекулянтов. Так, в протоколе заседания временного революционного суда Выборгского района от 8 ноября 1917 г. имеется запись о разбирательстве дела спекулянтов Веселова, Коровкина, Афанасьева и Моисеева, из которой видно, на какие темные махинации шли обвиняемые ради наживы за счет народной нужды. В условиях крайне тяжелого продоволь-

²⁹ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 123.

ственного положения в Петрограде, когда продовольствие подлежало строжайшему учету и нормированию, эти спекулянты ввезли в город пять возов мяса для продажи из-под полы по вздутым ценам. Мясо ввозилось ими под видом мусора на телегах, прикрытых грязными рогожами. Когда же преступники были застигнуты с поличным, они пытались откупиться от задержавших их работников следственной комиссии Выборгского районного Совета крупной взяткой.³⁰

Наряду со спекуляцией большое распространение получили имущественные преступления — разбой, грабежи и кражи. Причиной этого было усиление преступной деятельности деклассированных элементов, которые использовали резкое обострение классовой борьбы в своих низменных корыстных целях. Активизация уголовных элементов была выгодна контрреволюции, которая видела в них своего рода союзников. «Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма...»,³¹ — отмечал В. И. Ленин. Это ленинское высказывание в полной мере применимо и к первым дням и неделям Советской власти, когда свергнутые эксплуататоры, боровшиеся за восстановление своего господства, были непосредственно заинтересованы в нанесении ущерба Советскому государству и трудящимся со стороны уголовных преступников, из числа которых они вербовали свою агентуру. Материалы революционных судов дают наглядное представление о характере преступлений, совершавшихся деклассированными элементами.

Судебные документы свидетельствуют также, что строгий революционный порядок, установленный Советской властью, весьма часто нарушался неустойчивыми элементами из среды трудящихся, воспринявших победу пролетарской революции как «освобождение» от дисциплины. На этой почве получило развитие хулиганство и иные нарушения общественного порядка. Характерно в данной связи отметить, что революционный народ считал преступлением и пьянство, появление в общественных местах в нетрезвом виде, что в последующее время уголовным законом не преследовалось. Такой подход к пьянству был вполне оправданным. В. И. Ленин в записке Ф. Э. Дзержинскому от 6 декабря 1917 г. указывал: «Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов».³² Контрреволюции удалось достигнуть известных успехов в организации беспорядков путем спаивания населения. Уже 27 октября 1917 г. Петергофский Совет рабочих и солдатских де-

³⁰ Там же, стр. 114—115.

³¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 372.

³² Там же, стр. 336.

путатов сообщил Петроградскому Совету: «... имеющиеся в районе места заключения не вмещают всех задержанных пьяных и хулиганов»,³³ а в конце ноября при непосредственном участии кадетской партии в Петрограде произошли разгромы винных погребов, сопровождавшиеся массовыми беспорядками. В этих условиях против пьянства необходимо было принять самые решительные меры, и революционные суды активно включились в борьбу с этим социальным злом.

Материалы революционных судов позволяют получить представление о характере и методах судебной борьбы с преступностью. К прямым врагам Советской власти, совершившим наиболее тяжкие преступления, применялось лишение свободы. Другой мерой наказания, применявшейся главным образом к ворам и хулиганам, были общественные принудительные работы, которые преследовали цели трудового перевоспитания преступников. Этот вид наказания впервые стал практиковаться революционным судом Выборгского района, а позднее был предусмотрен и в общероссийском уголовно-правовом законодательстве. К спекулянтам и перекупщикам краденого революционными судами применялись наказания имущественного характера — штраф и конфискация имущества, имевшие целью отбить у преступников стимулы к нетрудовому обогащению. Так, по делу К., обвинявшегося в торговле самогоном, народно-революционный суд Енисейского уездного Совета приговорил подсудимого к штрафу в размере 3 тыс. руб., а в случае неуплаты — к году лишения свободы с отбыванием в тюрьме.³⁴ Общественное порицание и доведение до сведения организации, в которой работает наказуемый, о его поведении назначались революционными судами в тех случаях, когда судьи, учитывая малозначительный характер правонарушения, совершенного подсудимым, признавали достаточным моральное воздействие на него со стороны коллектива. По делу одного рабочего, который обвинялся в пьянстве, но чистосердечно признал свою вину, временный революционный суд Выборгского района в заседании от 8 ноября 1917 г. вынес следующий приговор: «Довести до сведения заводского комитета и при обещании не пить — простить».³⁵

Материалы революционных судов представляют большой интерес для исследования процессуальных форм судебной деятельности. Как и в других областях государственного строительства, здесь ярко проявилось революционное творчество масс, которые по собственному почину вырабатывали совершенно новые принципы осуществления правосудия. Процессуальные положения, сложившиеся

³³ ГАОРСС ЛО, ф. 101, оп. 1, д. 21, л. 1.

³⁴ Красноярский рабочий, 14 декабря 1917 г.

³⁵ ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 1, д. 28, л. 15.

в практике революционных судов, характеризовались широким пролетарским демократизмом, отсутствием казенного формализма, присущего буржуазному суду. Главная роль в судебном разбирательстве принадлежала народу, гражданам, присутствовавшим на судебном заседании. Они могли выступать в качестве обвинителей и защитников подсудимых, задавать вопросы по ходу судебного разбирательства, а в ряде случаев, как это было, например, в революционном суде Петроградского района Петрограда, участвовать в вынесении приговора. Приговоры и решения принимались коллегиально на основе революционной совести и пролетарского правосознания. Сохранившиеся материалы революционных судов свидетельствуют, во всяком случае, что ссылки на старое законодательство в приговорах судов отсутствуют. Судов второй инстанции в рассматриваемый период создано не было, и в случае необходимости пересмотра дел, они пересматривались тем же судом, который вынес приговор. Деятельность революционных судов протекала главным образом в сфере уголовного права. Несмотря на различия в круге дел, рассматривавшихся различными судами, дифференциации различных судов по подсудности не сложилось.

22 ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров был издан декрет о суде,³⁶ законодательным порядком закреплявший слом буржуазной судебной машины и строительство советского суда на основе привлечения к осуществлению правосудия широких масс трудящихся. Ленинским декретом о суде упразднялась вся система буржуазного суда, прокуратуры и адвокатуры. Вместо ликвидируемых судебных установлений вводился местный суд³⁷ в составе постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, избираемых, впредь до введения прямых демократических выборов, местными Советами. В качестве кассационной инстанции для местных судов декретом вводились уездные и столичные съезды местных судей. К защите и обвинению на суде допускались все неопороченные граждане. Для разрешения дел по контрреволюционным преступлениям, а также дел о спекуляции, мародерстве и хищничестве декрет предусматривал учреждение революционных трибуналов. В ст. 5 декрета указывалось, что судьи «решают дела именем Российской республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Специальным примечанием к этой статье оговаривалось, что отмененными призна-

³⁶ Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, стр. 124—126.

³⁷ В последующих декретах наименование «местный суд» было заменено на «местный народный суд» и «народный суд». Последнее название сохранилось до наших дней.

ются все законы, которые противоречат декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабоче-крестьянского правительства, а также программам-минимум РСДРП и партии эсеров.³⁸

При сопоставлении перечисленных положений декрета с данными об организации трудящимися самостоятельных революционных судов видно, что декрет явился как бы обобщением и законодательным закреплением правотворческого опыта масс, накопленного ими за период октября—ноября 1917 г. Выборность судей Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, разрешение судебных дел на основе революционной совести и революционного правосознания, отмена старых материальных и процессуальных законов — все эти положения декрета еще до его издания были применены массами в ходе строительства революционного суда.

С изданием декрета СНК от 22 ноября 1917 г. о суде, получившего позднее название декрета о суде № 1, начался новый этап советского судебного строительства. Отныне основные, отправные моменты организации и деятельности советского суда стали регламентироваться специальным законодательством, что ввело в судебно-организационное творчество элементы централизации и единообразия. Правда, декрет о суде № 1 и последующие декреты не разрешали в деталях все вопросы, которые могли возникать и возникали в судебной практике, и оставляли обширное поле деятельности для местного правотворчества в этой области, но с конца ноября 1917 г. именно декреты центральной власти, а не местные нормативные акты приобрели решающее значение для судебного строительства. Поэтому, прежде чем охарактеризовать материалы местных народных судов как исторический источник, необходимо рассмотреть развитие законодательства о суде. При этом для анализа материалов советских судов важно выделить те имеющиеся в законодательстве правовые нормы, в которых определялись организационные формы, содержание и порядок судебной деятельности и правила судебного делопроизводства, поскольку на основе и под влиянием этих норм и создавались судебные материалы. Проследим в этом аспекте развитие советского законодательства о суде, начиная с декрета от 22 ноября 1917 г. и до судебной реформы 1922 г.

Как уже отмечалось выше, декрет о суде № 1 предусматривал создание двух типов судов — общей подсудности (местных) и специальной подсудности (революционных трибуналов). Развитие системы трибуналов не входит в сферу настоящего исследования. Что же касается местных судов, то декрет отнес к их ведению рассмотрение уголовных дел, по которым наказание не должно было

³⁸ Декреты Советской власти, стр. 124—126.

превышать двух лет лишения свободы, и гражданских дел с ценою иска до 3000 рублей. При определении круга наказуемых деяний и мер наказаний, а также при рассмотрении гражданских дел, судьи должны были руководствоваться революционной совестью и революционным правосознанием. Таким образом, круг дел, разрешающихся местным судом, в значительной мере зависел от его усмотрения.

По смыслу декрета те же положения лежали в основе процессуальной практики суда. Процессуальные правила, содержащиеся в декрете, тесно переплетались с правилами об организации и ведении судебного делопроизводства. Декрет предусматривал, что дела и производства упраздненных судебных установлений поступают в ведение особых комиссаров, избираемых местными Советами. Комиссары должны были руководить низшими и канцелярскими чинами ликвидируемых судебных учреждений, на которых возлагалась обязанность направлять неоконченные дела в соответствующие советские суды. Порядок направления и движения неоконченных дел определялся специальным декретом ВЦИК от 29 декабря 1917 г., изданным в развитие декрета о суде № 1. В нем предписывалось передать в местные суды все неоконченные дела мировых судей, окружных судов, судебных палат и коммерческих судов о наследстве, усыновлении, расторжении брака и другие, подсудные местным судам.³⁹

Следующими важными законодательными актами в области судебного строительства были декрет ВЦИК и СНК о суде № 2, изданный 15 февраля 1918 г.;⁴⁰ декрет о суде № 3 от 20 июля 1918 г.;⁴¹ Положение о народном суде РСФСР, утвержденное ВЦИК 30 ноября 1918 г., замененное новым Положением от 21 октября 1920 г.⁴² Перечисленные законодательные акты внесли некоторые изменения и дополнения в порядок судоустройства и судопроизводства, установленный декретом о суде № 1.

Декрет о суде № 2 ввел окружные народные суды для рассмотрения дел, превышавших подсудность местных судов, допустил судовождение на всех местных языках, отнес к подсудности местных народных судов все гражданские дела, не подлежащие денежной оценке, ввел институты судебной экспертизы и правозаступников (избираемых местными Советами) для осуществления обвинения и защиты на суде.

Декрет о суде № 3 отнес к подсудности местных народных судов все уголовные дела, за исключением дел о посягательстве на человеческую жизнь, разбое, изнасиловании, бандитизме, подделке

³⁹ Декреты Советской власти, стр. 294—296.

⁴⁰ Там же, стр. 466—474.

⁴¹ СУ РСФСР 1918 г., № 52, ст. 589.

⁴² СУ РСФСР 1918 г., № 85, ст. 889; 1920 г., № 83, ст. 407.

денежных знаков и спекуляции, которые оставались в ведении окружных народных судов. Народные суды получали право применять как меру наказания лишение свободы сроком до пяти лет, а по гражданским делам рассматривать иски с оценкой до 10 тысяч рублей. Учитывая расширение подсудности местных судов, декрет возложил предварительное следствие по наиболее сложным делам на следственные комиссии.

По Положению о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. в ведение народных судов переходили все уголовные и гражданские дела, кроме подсудных трибуналам. Народный суд получил название «единый», поскольку окружные народные суды ликвидировались. Действовал он, в зависимости от характера дел, либо в составе одного народного судьи (расторжение брака и дела бесспорного производства), либо судьи с двумя или шестью народными заседателями. Предварительное расследование дел возлагалось на следственные комиссии, а по менее сложным делам — на народного судью или органы дознания (милицию). Разрешая уголовные и гражданские дела, суд должен был руководствоваться декретами Советского правительства, а при их отсутствии или неполноте — социалистическим правосознанием. Ссылки на законы свергнутых правительств воспрещались. Приговоры народного суда могли быть обжалованы в губернский совет народных судей, являвшийся кассационной инстанцией для них. При местных Советах учреждались коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Новое Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. внесло лишь частичные изменения в действовавшее судостроительство и судопроизводство. Наиболее существенные из них — замена следственных комиссий единоличными следователями и введение института защитников, привлекаемых для участия в судебных процессах в порядке трудовой повинности.

На содержание судебной документации, внешние ее особенности, достоверность и т. п. оказывало влияние множество факторов — развитие экономики и политики, характер и формы классовой борьбы, деятельность различных звеньев государственного аппарата, классовый состав судей и многие другие. Например, политика военного коммунизма, вызвавшая крайнее сужение гражданского оборота, отразилась на судебной практике, а через нее и на судебных материалах таким образом, что в судах почти не разрешалось гражданских дел, основанных на договорах.

Большое влияние на характер судебной документации оказали особенности формирования советских судебных кадров. Буржуазные прокуратура, магистратура и адвокатура, тщательно отбирившиеся царским правительством из среды дворянства и буржуазии, крайне враждебно отнеслись к Октябрьской революции. Чиновники ведомства юстиции активно включились в борьбу против Советской

власти, участвуя в работе контрреволюционных комитетов, организации антисоветских мятежей, контрреволюционном саботаже. Издание декрета о суде № 1, провозгласившего слом буржуазного судебного аппарата, привело к еще большей активизации антисоветской деятельности буржуазных юристов, которые, за немногими исключениями, упорно саботировали декрет, всячески старались сорвать его осуществление. Саботаж этот выражался чаще всего в прямом неподчинении декрету. Прокуроры, судьи, следователи и адвокаты отказывались покинуть ликвидируемые декретом учреждения и демонстративно «продолжали» работу. Когда же в результате мер, предпринятых Советской властью, им все же пришлось уйти из судебных учреждений, их саботаж принял новую форму: буржуазные юристы почти поголовно отказались работать в новых советских судах. В итоге Советской власти пришлось формировать судебный аппарат преимущественно из лиц, не только не имевших юридического образования и каких-либо практических навыков судебной работы, но и не обладавших достаточным общеобразовательным уровнем. В суды пришли представители трудящихся — лица, делегированные рабочими, солдатскими и крестьянскими организациями.

Особенности состава нового судебного аппарата существенным образом сказались на характере деятельности народных судов. Формирование новых судебных кадров из представителей трудящихся принципиальным образом изменило осуществление правосудия, а следовательно, и характер судебных материалов. Эти изменения коснулись прежде всего классовой направленности судебных документов.

Характерной особенностью материалов народных судов в первые месяцы Советской власти являлось также отражение в них незнания судьями юридических понятий, терминов, техники, которые вырабатывались в итоге длительного развития юриспруденции и, хотя бы в своей технической части, не потеряли своего значения и в новых условиях. Иногда судьи не владели даже элементарными юридическими понятиями. Они не всегда правильно разграничивали уголовные и гражданские дела, так как зачастую не видели разницы между уголовными преступлениями и спорами о праве гражданском. В практике народного суда III отделения I городского района Петрограда, например, дела о выселении из квартир и увольнении работников нанимателями (прислуг, дворников и др.) рассматривались как уголовные; суд не различал ответчиков от обвиняемых и вместо гражданско-правовой санкции назначал им наказание.⁴³

⁴³ ГАОРСС ЛО, ф. 63, оп. 10, д. 6. Реестр уголовных дел за 1918—1919 гг.

Не было и четко отработанной юридической терминологии, что приводило к неясностям в целевом назначении и юридической силе судебных документов и, как к следствию этого, к путанице в определении прав и обязанностей сторон, порядка обжалования и т. д. Так, народный суд IV отделения I городского района Петрограда свои конечные выводы по рассмотренным гражданским делам именовал «приговорами», т. е. термином, который, согласно законодательству, мог быть применен только к судебным документам, формулировавшим конечные выводы суда по уголовным делам.⁴⁴ Эта терминологическая путаница усугублялась тем обстоятельством, что «приговоры» суда иногда объединялись в одних документах с протоколами судебных заседаний. Наряду с этим народные суды часто допускали фактические ошибки, имевшие главной своей причиной незнание судьями теории судебных доказательств.

Отмеченные особенности в деятельности народных судов, объясняемые отсутствием у судей юридической подготовки, необходимо принимать во внимание при анализе судебных материалов.

Перейдем теперь к непосредственному описанию материалов народных судов, накопившихся за время с конца ноября 1917 г. до судебной реформы 1922 г. Как уже отмечалось выше, различные разновидности судебных документов нельзя рассматривать в отрыве друг от друга, вне связи с судебными делами, представляющими собой органические комплексы документов разных видов. Отсюда возникает необходимость постановки в ходе источниковедческого исследования материалов народных судов двух групп вопросов, связанных с описанием: 1) судебных дел и 2) отдельных разновидностей судебных документов. Вопросы первой группы включают в себя характеристику системы судебного делопроизводства и круга разрешаемых судом дел. Во второй группе рассматриваются отдельные виды судебных документов.

Что касается системы делопроизводства народных судов, то принципы ее построения были заимствованы из практики мировых судов. Декрет о суде № 1 предписал мировым судьям передать в народные суды все свои дела и производства. Это наследие после его критической переработки и легло в основу постановки делопроизводства народных судов, что сразу же обнаруживается при сравнении их материалов с материалами мировых судов.

Как и в мировых судах, все делопроизводство народных судов делилось на две части: наряды и судебные дела. В свою очередь судебные дела подразделялись на гражданские и уголовные и имели справочный аппарат в виде реесгров (или карточек) и алфавитных указателей. Реестры составлялись на каждую категорию дел отдельно. Реестры гражданских дел велись по такой форме:

⁴⁴ ГАОРСС ЛО, ф. 64, оп. 8, д. 152 и др.

№ № п. п.	Время вступле- ния	Тяжущие- ся	Время решения	Содержа- ние решения	Сумма присуждаемого взыскания		Движение дела
					руб.	коп.	

Форма реестров уголовных дел была следующей:

№ № п. п.	Обвиняе- мый	Обвине- ние	Время решения	Содержание приговора		Исполни- тельный лист	Исполни- ние
				тюрьма	штраф		
					руб. коп.		

Дела заносились в реестры в порядке их поступления в суд. Порядковый номер одновременно проставлялся и на соответствующих делах. С началом нового года нумерация возобновлялась.

Производство по судебным делам, отражая ход судопроизводства в народных судах, проходило несколько стадий. Первая из них — заведение дел. Как правило, дела заводились на основании производств органов следствия и дознания, заявлений потерпевших и истцов, постановлений самих судов. Кроме того, в первые месяцы Советской власти, когда шел процесс ломки старого судебного аппарата, в народные суды поступали неоконченные дела ликвидируемых судов. Количество таких дел было весьма значительным. В Петрограде, например, на 1 января 1918 г. в народных судах имелось 10 480 нерешенных уголовных и гражданских дел, поступивших главным образом из мировых судов, что составляло 29% к общему количеству дел, рассмотренных народными судами за период с января по июнь 1918 г.⁴⁵ В конце 1918 г. в связи с ликвидацией народных окружных судов их неоконченные дела также перешли в ведение народных судов.

Вторая стадия производства по уголовным и гражданским делам — движение дел. Она представляет собой документальное оформление подготовительных к суду действий и хода судебного разбирательства. За ней следует заключительная стадия — окончание дела. Дела считались оконченными, если в установленные законом сроки на приговоры и решения суда не были принесены жалобы. Когда же они приносились, соответствующие дела направлялись в советы народных судей и рассматривались ими в кассационном порядке. В зависимости от результатов рассмотрения

⁴⁵ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 128 (Отчет Комиссариата юстиции Союза коммун Северной области).

дела либо возвращались в народные суды (при оставлении приговоров и решений в силе), либо направлялись на вторичное рассмотрение (при отмене приговоров и решений). К окончанным делам следует отнести и дела, прекращенные на различных стадиях процесса по разным причинам: из-за смерти обвиняемых, отказа от обвинения, примирения сторон и т. д.

Учет рассмотренных особенностей ведения судебного делопроизводства важен в том отношении, что он облегчает ориентировку в происхождении и составе документов народных судов и позволяет установить преемственность и связи между делопроизводством различных звеньев судебно-следственного аппарата.

С точки зрения отражения процессов, вызывавших соответствующую реакцию суда, наибольшее значение и ценность имеют реестры уголовных и гражданских дел, форма которых приводилась выше. Достоинство этих источников по сравнению с другими в том, что они содержат сведения о всех делах, разрешавшихся судами в тот или иной период времени. Поэтому использование реестров открывает возможности подсчета количества судебных дел, разбивки их на категории, выяснения удельного веса этих категорий в общей массе дел и получения других обобщенных данных, правда, в масштабах одного только суда.⁴⁶

Покажем это на примере реестра уголовных дел за 1918 г. народного суда III отделения I городского района Петрограда. Количество внесенных в реестр уголовных дел, которое определяется путем подсчета записей об их поступлении, составляет 924. Содержание записей дает возможность суммировать дела по категориям. Самая многочисленная из них — по имущественным преступлениям. Внутри этой категории дела распределяются следующим образом: хищение государственного и личного имущества (кражи, грабежи, разбой) — 261; присвоение и растрата денег и имущества — 25; мошенничество — 17; мародерство — 5; злоупотребления с продовольственными карточками — 6; истребление чужого имущества — 6; вымогательство — 3. К этой группе примыкают дела о спекуляции — 44; незаконной торговле нормированными продуктами и нарушении правил торговли (обмер, обвес и т. п.) — 28.

Следующую по численности категорию дел составляют дела по обвинению в преступлениях против личности: убийство — 10; телесные повреждения — 4; побои — 27; оскорбление словами и дей-

⁴⁶ Реестры не были, конечно, единственным видом справочного аппарата к судебным делам, но, по сравнению с другими видами справочного аппарата — картотеками, ведомостями и т. д., они получили наибольшее распространение. В Петрограде реестры велись во всех народных судах. Так же было и во многих других городах. Это объяснялось тем, что подавляющее большинство народных судов организовывалось на базе ликвидируемых мировых судов и воспринимало от них систему построения делопроизводства, которое велось по общим для всех них правилам.

ствиями — 51; клевета — 6; угрозы убийством — 6; двоеженство — 1.

Весьма большой удельный вес в общей массе дел падает на долю дел по обвинению в преступлениях против порядка управления: нарушение общественного порядка (хулиганство, пьянство, игра в азартные игры) — 29; хранение и продажа оружия — 6; изготовление и сбыт фальшивых денег — 5; неосторожная езда — 11; неподчинение власти — 1; оскорбление власти — 3.

Должностные преступления дают такую картину: прием и дача взяток — 3; злоупотребление служебным положением и халатность — 16; превышение власти — 1; подлог документов — 8.

Остальные дела распределяются следующим образом: нарушение законодательства о труде — 6; содержание притонов разврата — 1; агитация против Советской власти — 2.

Количество дел, по которым обвиняемые привлекались к суду за совершение одновременно двух и более преступлений, составляет 20. В эту группу в различных сочетаниях входят побои, кражи, оскорбления, хулиганство, подлог, пьянство, спекуляция, вымогательство, ограбления и мошенничество.

По записям в реестре можно судить также о категориях и размерах наказаний. По категориям наказаний дела распределяются следующим образом: штраф или арест (по выбору осужденного) — 92; штраф — 38; арест — 25; тюремное заключение — 52; общественные принудительные работы — 9; конфискация имущества — 2; строгий выговор — 9; общественное порицание — 8; высылка из Петрограда — 3; отдача под надзор родителей — 5. По 112 делам вынесены оправдательные приговоры; 161 — прекращено по различным причинам; 114 — приостановлено производством до розыска обвиняемых и по другим основаниям; 29 — переданы в другие суды, следственные комиссии и комиссии по делам несовершеннолетних; по 16 делам осужденные освобождены от наказания по амнистии и по одному делу — под честное слово.

Виды и размеры наказаний варьировались в зависимости от видов совершенных преступлений, их тяжести, личности обвиняемых и т. д. Так, за кражу назначалось либо лишение свободы на срок от 20 дней до 2—3 месяцев, либо общественные принудительные работы сроком до года, либо штраф до 1500 руб. Спекуляция каралась лишением свободы сроком до шести месяцев и штрафом от 100 до 3000 руб. За вооруженный грабеж назначалось наказание в виде лишения свободы на один год, а за пьянство — штраф в размере от 25 до 100 руб. или арест до одного месяца.⁴⁷

Помимо количественной и качественной характеристики дел, записи в реестре позволяют сделать подсчет количества обвиняе-

⁴⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 63, оп. 10, д. 6.

мых, привлекавшихся по этим делам, и получить представление о сроках разрешения дел.

На основе изучения уголовных реестров можно сделать ряд важных выводов. Если отвлечься от того, что в приведенном нами реестре уголовных дел народного суда III отделения I городского района Петрограда раскрывается деятельность одного только суда, записи в реестре дают основание утверждать о преобладании в 1918 г. среди прочих правонарушений преступлений имущественного характера. Это, конечно, объяснялось условиями хозяйственной разрухи, голода, острой нехватки промышленных товаров и разгула мелкобуржуазной стихии, являвшимися следствием империалистической войны и сопротивления Советской власти со стороны свергнутых классов. Те же причины объясняли большой удельный вес дел по обвинению в спекуляции. Здесь, однако, нужно учитывать, что эта категория дел была подсудна революционным трибуналам и, следовательно, количество осужденных народными судами спекулянтов было значительно меньшим, чем общее число осужденных за спекуляцию.

Голод и разруха порождали и другие специфичные для рассматриваемого периода формы преступности: подделку и иные злоупотребления с продовольственными карточками, незаконную торговлю нормированными продуктами или продуктами ненадлежащего качества и др.

Весьма распространенной формой преступности были хулиганство, пьянство и посягательства против личности. Эти формы преступности имели питательную почву в нежелании мелкобуржуазных и уголовно-анархистских элементов подчиняться строгому революционному порядку, установленному Советской властью.

Заслуживает особого упоминания и такая не столь, правда, распространенная форма преступности, как злоупотребления должностных лиц советского государственного аппарата — взяточничество, превышение власти, незаконные обыски и др. Все эти преступления объяснялись проникновением в советский государственный аппарат чуждых элементов, пытавшихся использовать завоевания пролетарской революции в своих корыстных целях.

На основе изучения записей уголовных реестров можно проследить характерные особенности карательной политики народных судов, т. е. практики назначения ими наказаний. Здесь сразу же обращает на себя внимание сочетание мер принуждения с мерами воспитательными, что обеспечивалось применением таких видов наказаний, как общественные принудительные работы, общественное порицание, отдача под надзор родителей. В данном отношении практика наказаний народных судов, складывавшаяся на основе революционного правосознания судей, коренным образом отличалась от системы и целей наказаний буржуазного суда.

Другая характерная особенность в практике наказаний — их чрезмерная мягкость. Народный суд III отделения I городского района Петрограда за покушение на убийство определил наказание в размере одного года лишения свободы, за изготовление фальшивых денег назначил штраф в сумме 2,5 тыс. руб.; а за вооруженный налет с целью ограбления квартиры — один год общественных работ.

Назначение столь мягких наказаний за весьма тяжкие преступления объяснялось излишней гуманностью судей, недопониманием роли суда в условиях диктатуры пролетариата, недооценкой принуждения в деле борьбы с преступностью. В. И. Ленин в 1918 г. писал: «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо... Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только подбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением».⁴⁸ Эти ленинские указания легли в основу перестройки деятельности советского суда в сторону усиления карательных мер против врагов Советской власти из лагеря контрреволюционной буржуазии и преступных элементов из среды мелкобуржуазной анархии.

Анализ уголовных реестров дает основание сделать еще один вывод. Записи в реестрах показывают, что судебная практика в целом ряде моментов отступала от требований, содержащихся в специальном законодательстве о суде. Это касалось главным образом подсудности отдельных категорий уголовных дел. Как уже отмечалось, народный суд III отделения I городского района Петрограда рассматривал дела по обвинению в контрреволюции, спекуляции, убийствах, изготовлении фальшивых денег, взяточничестве и других преступлениях, которые в соответствии с декретами о суде относились к подсудности революционных трибуналов и окружных народных судов. В этом нашло свое выражение то своеобразие в применении законов центральной власти, которое было характерно для первых месяцев после Октябрьской революции. В. И. Ленин указывал: «Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством. Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности».⁴⁹ Именно в этом направлении, т. е. по пути видоизменения некоторых поло-

⁴⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 235—236.

⁴⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 254.

жений декретов о суде, пошли народные суды Петрограда. По-видимому, причину отступления судебной практики от предписаний декрета нужно объяснить тем, что Петроградский революционный трибунал и окружной народный суд не могли обеспечить своевременного рассмотрения большой массы дел, подсудных им, и народные суды пришли им на помощь, взяв на себя разбирательство какой-то части таких дел.

Реестры уголовных дел народных судов при всей своей универсальности имеют как источники и ряд минусов. Весьма значительное количество записей воспроизведено в них с пробелами. В приводимом нами реестре народного суда III отделения I городского района Петрограда графа «обвинение», в которой раскрывается состав преступления, заполнена только по 610 делам из общего количества 924 дел, а графа «содержание приговора» — по 666 делам. В ряде случаев возникают сомнения в правильности воспроизведения в записях сущности обвинения и характера наказания, а проверить записи не всегда возможно, так как многие дела не сохранились.

Несмотря на отмеченные недостатки уголовных реестров, они остаются тем не менее чрезвычайно ценными источниками. Никакие другие документы судебного делопроизводства не идут с ними в сравнение, когда, например, требуется произвести какие-либо подсчеты, определить тенденции в развитии преступности и практике борьбы с ней. Конечно, для указанных целей можно воспользоваться официальной статистикой, отчетностью судов и другими обобщающими документами, но все они не дают исследователю того простора в постановке вопросов и выборе методов их разрешения, который открывается перед ним в уголовных реестрах.⁵⁰

⁵⁰ Значение реестров уголовных дел для получения обобщенных выводов о преступности и мерах борьбы с ней становится особенно показательным при сопоставлении этих источников с имеющимися статистическими материалами. В общей статистике, публиковавшейся по линии Центрального статистического управления, сведения о судебной деятельности за рассматриваемый нами период весьма неполны и отрывочны как в хронологическом, так и в географическом и тематическом отношениях. В частности, в статистическом ежегоднике за 1918—1920 гг. (Труды ЦСУ, т. VIII, вып. 2. М., 1922, стр. 85—86) приведены лишь следующие данные: число осужденных народными судами и движение дел в народных судах за 1919—1920 гг. Таким образом, в таблицах отсутствуют цифры за 1917—1918 гг. Нет в них и сведений о составе осужденных по полу, возрасту, социальному положению, по преступлениям, видам и срокам наказаний. Аналогичным образом обстоит дело со статистическими материалами, издававшимися Народным комиссариатом юстиции (см.: Пролетарская революция и право, 1919, № 1). Что же касается отдельных областей и губерний, то и здесь имеющиеся статистические издания далеко не вскрывают полной картины деятельности народных судов. Данные же о гражданских делах в статистических изданиях вовсе отсутствуют.

То, что говорилось относительно реестров уголовных дел, в значительной мере может быть распространено и на реестры гражданских дел народных судов. Но гражданские реестры как источники имеют свои специфические свойства, вытекающие из особенностей гражданского судопроизводства. Покажем их опять же на примере одного из реестров — на этот раз реестра гражданских дел за 1917—1922 гг. народного суда IV отделения I городского района Петрограда.

С внешней стороны реестр представляет собой книгу, являющуюся продолжением реестра гражданских дел мирового судьи XI участка Петрограда.

Количество записей о делах по годам дает такую картину:

1916	(мировой судья)	— 666	дел
1917	" "	— 276	"
1917	(народный суд)	— 5	" (с 15 декабря)
1918	" "	— 638	"
1919	" "	— 233	"
1920	" "	— 198	"
1921	" "	— 352	"
1922	" "	— 441	" (до 11 августа). ⁵¹

Уже одни эти цифры характеризуют общую тенденцию изменения количества рассматриваемых судом гражданских дел в зависимости от изменения политической и экономической обстановки. Количество дел дореволюционного времени, т. е. в 1916 г., можно признать обычным для этого периода. 1917 год дает резкое снижение дел. Причиной этого были, конечно, события революционного времени, выбившие из привычной колеи деятельность буржуазного государственного аппарата, в том числе и судебного, а затем и сломавшие его. В 1918 г. народный суд, завершив организационный период, работает с полной нагрузкой и количество рассмотренных дел почти достигает уровня 1916 г. Однако это относительно большое количество дел вовсе не свидетельствует о расширении частного оборота. Подавляющее большинство их падало в 1918 и в последующие годы на долю бракоразводных, после издания декрета ВЦИК и СНК от 16 декабря 1917 г. о расторжении брака,⁵² а также на долю дел о получении содержания из имущества умерших (декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. об отмене права наследования). В 1919—1920 гг. в условиях военного коммунизма, связанного с крайним сужением частного оборота, количество дел резко падает и вновь возрастает после окончания гражданской войны в 1921 г. Введение новой экономической политики, оживившей част-

⁵¹ ГАОРСС ЛО, ф. 64, оп. 7, дд. 18 и 19.

⁵² Декреты Советской власти, стр. 237—239.

ный оборот, дает большой прирост количества дел. Только за первое полугодие 1922 г. суд разрешает дел в два с половиной раза больше, чем за весь 1920 г.

Помимо количественной стороны, записи в реестре дают возможность судить о содержании дел. В период гражданской войны наибольший удельный вес, как это уже отмечалось, имели бракоразводные дела и дела о получении содержания из имущества умерших. В гораздо меньшем количестве представлены дела о взыскании алиментов, заработной платы, квартирной платы, сумм за долги, о выселении из квартир, прибавке пенсий, возврате вещей, усыновлении, освобождении имущества от описи, разделе имущества, признании отцовства и перемене фамилий. Что же касается дел, вытекающих из обязательственного права (договоры найма имущества, ссуды, комиссии, мены и т. д.), то, как видно из реестра, в суд таких дел почти не поступало. В условиях военного коммунизма, характерного административно-правовыми формами регулирования производства и распределения, сфера применения обязательственного права была крайне сужена. Дела, основанные на договорах подряда, поставки, купли-продажи и др., появляются в суде лишь с началом осуществления новой экономической политики. Тогда же видоизменяется круг юридических лиц. Если в период гражданской войны в качестве юридических лиц выступали домовые комитеты бедноты, конторы недвижимых имуществ, народный банк и, гораздо реже, фирмы и акционерные общества, то с конца 1921 г. в суде появились иски товариществ на паях и на вере, артелей, государственных и частных промышленных и торговых предприятий.

Из других особенностей гражданских реестров как источников следует отметить большую, по сравнению с уголовными реестрами, широту охвата дел. Кроме народных судов, уголовные дела разрешали революционные и военные трибуналы и окружные народные суды, и поэтому уголовные реестры народных судов включали в себя далеко не все уголовные дела. Разрешение же гражданских дел практически всецело входило в компетенцию народных судов, что и нашло отражение в их реестрах. Правда, в 1918 г. часть гражданских дел рассматривалась окружными народными судами, но последние существовали очень непродолжительное время и в основном занимались ликвидацией наследия упраздненных судов. В Петрограде, например, в окружной народный суд, открывший свою деятельность 21 мая 1918 г. и ликвидированный в конце октября того же года, поступило за этот период 681 новое гражданское дело и 5200 дел, не законченных прежними судами. При этом в судебных заседаниях было рассмотрено только 229 дел.⁵³ Остальные

⁵³ Исторический архив, 1957, № 1, стр. 127.

дела после ликвидации окружного суда были распределены по камерам народных судов.

Не сказалось существенным образом на судебной практике и отнесение декретом о суде № 1 к подсудности народных судов гражданских дел с ценою иска не свыше 3000 руб. Фактически народные суды, как, в частности, это видно и из приводимого нами реестра, разрешали дела с ценою иска до 10 000 руб. и даже больше.

Рассмотрение особенностей судопроизводственных документов наиболее целесообразно по их разновидностям (протоколы, постановления, акты и т. д.) в той же последовательности, в какой они отлагались в судебных делах.

Как видно из материалов народных судов за 1917—1922 гг., существовало несколько десятков видов судебных документов, подразделявшихся на две большие группы: 1) документы уголовного судопроизводства и 2) документы гражданского судопроизводства. Характерной особенностью документов уголовного судопроизводства является наличие одинаковых названий, но различного содержания и целевого назначения. Это — протоколы, определения и постановления. Объединение этими названиями разнородных документов имеет свою логику. Протоколами в судебной практике обозначались документы, в которых производилось описание тех или иных фактических данных по делу или же порядка и хода производства процессуальных действий. В частности, протоколами оформлялись допросы подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, производство обысков, осмотров, выемок, очных ставок, опознаний. Протоколы велись и для фиксации хода распорядительных и судебных заседаний. Поскольку в протоколах закреплялась большая часть судебных доказательств — показаний свидетелей, обысков, осмотров и т. д., судебная практика предъявляла к составителям этих документов особые требования. Так, протоколы обысков должны были скрепляться не только подписями лиц, производивших обыск, но и присутствовавших при этом понятых. Протоколы допросов обвиняемых и свидетелей подписывались ими и следователями, причем подписи первых представлялись на каждой странице протокола. Протоколы судебных заседаний считались действительными, если они не были подписаны всем составом суда.

Определения именовались все решения суда, принятые коллегиально, кроме приговоров. Например, о предании обвиняемого суду, приобщении дополнительных доказательств, избрании меры пресечения и т. д. Определения назывались и решения судов второй инстанции. В отличие от определений под постановлениями понимались решения следователей и судей, принятые единолично. Исключение составляли принимавшиеся коллегиально постано-

ния следственных комиссий до введения в 1920 г. института единоличных следователей.

К наиболее типичным судебным документам относились также: заявления потерпевших, сообщения учреждений и должностных лиц, на основании которых возбуждались уголовные дела; заключения экспертов, т. е. лиц, вызываемых органами следствия и судом для решения вопросов, требующих специальных познаний в науке, искусстве и ремесле; приговоры суда — судебные решения по вопросу о виновности и невиновности подсудимого и назначении ему меры наказания; документы, служащие доказательствами. Последние могли выступать в роли письменных доказательств, когда своим содержанием они удостоверяли наличие или отсутствие интересующих суд фактических данных, или же вещественных доказательств, если документы являлись орудиями преступлений или носили на себе следы преступлений. Многие уголовные дела содержали кассационные жалобы осужденных.

Помимо перечисленных категорий документов в судебном делопроизводстве встречается большое количество вспомогательных документов — повесток, заявлений и ходатайств сторон в процессе, переписки с местами заключения, следователями, другими судами, различных справок и т. д.

Судебное производство открывалось документацией органов дознания и предварительного расследования. В свою очередь, среди нее к наиболее ранним по времени составления относятся заявления потерпевших, сообщения учреждений и должностных лиц о совершении кем-либо преступления, на основании которых органами дознания или предварительного расследования возбуждались уголовные дела. Заявления эти подавались, как правило, в письменной форме. В некоторых случаях заявления делались и в устной форме, но следственные органы составляли тогда акты или протоколы, которые подписывались должностными лицами и заявителями. Здесь сказывался демократический характер нового уголовного процесса, выразившийся в предоставлении лицам из неимущих классов, зачастую малограмотным или совсем неграмотным, обращаться в суд за защитой своих интересов.

Уголовные дела могли возбуждаться и по собственному усмотрению органов следствия. В этом случае должностные лица следственных органов (следственных комиссий, милиции, чрезвычайных комиссий) выносили мотивированные постановления о возбуждении дела. В них указывались время, место, конкретные обстоятельства правонарушения и данные о правонарушителях.

Дальнейший ход следственных действий и их оформление в документах проходили следующим образом. Органы дознания (в Петрограде — комендатуры революционной охраны) производили только первичные следственные действия. В частности, они состав-

ляли протокол допроса подозреваемых и вместе с заявлением, на основании которого возбуждалось дело, направляли его в народный суд по подсудности.

Если председатель суда усматривал необходимость предварительного расследования по делу, он после допроса подозреваемых, оформленного протоколом, выносил постановление о передаче дела в следственную комиссию.

Следственная комиссия, получив дело, выносила постановление о приступе к следствию. Оно, по-видимому, служило одновременно и актом о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Затем начиналось производство предварительного расследования, в ходе которого производились обыски, выемки и осмотры, оформляемые протоколами. Лица, совершавшие обыски, снабжались форменными ордерами. Одновременно с обвиняемых и свидетелей снимались допросы, причем в протоколах допросов показания могли записываться как следователем, так и собственноручно обвиняемыми и свидетелями.

После окончания предварительного следствия следственная комиссия составляла постановление о предании обвиняемого суду, аналогичное по форме и содержанию с обвинительным заключением в современном уголовном процессе. В нем раскрывались фактические обстоятельства дела, доказательства виновности и юридическая формулировка обвинения. Затем дело направлялось в суд. Вся документация предварительного следствия свидетельствует, что оно с самого зарождения советского уголовного процесса проводилось всесторонне, в условиях соблюдения процессуальных гарантий личности обвиняемого и в особенности права обвиняемого на защиту.

В ряде случаев дела миновали стадию дознания или же возбуждались самими судами на основании заявлений потерпевших. Соответственно этому видоизменялся состав документации по этим делам.

Материалы, которые откладывались в процессе судебного разбирательства уголовных дел, подразделяются на: 1) документы, связанные с подготовительными к суду действиями и 2) документы собственно судебного разбирательства.

Первые представляют собой повестки обвиняемым, свидетелям и сторонам, протоколы распорядительных заседаний суда, содержащие данные по вопросам о возможности слушания дела, вызова сторон и обвиняемых, назначения защитников и экспертов, избрание меры пресечения и т. д., переписку со следователями, местами заключения и др.

В документации судебного разбирательства главными документами являются протоколы судебных заседаний и приговоры. Протоколы судебных заседаний должны были, соответственно законо-

дательству о суде, отражать действия суда и сторон при открытии судебного заседания, ход судебного следствия, прения сторон и последнее слово подсудимого. Фактически же в них, как это видно из материалов петроградских народных судов, содержатся лишь сведения о персональном составе суда, формула обвинения, показания обвиняемых и свидетелей, подписанные ими. Эта неполнота протоколов существенным образом обедняет отображение в них фактического хода судебного заседания, а в юридическом отношении наносит большой ущерб доказательной силе документа. Дело в том, что умолчание в протоколе судебных заседаний о разъяснении судом подсудимому его прав в процессе, заявлениях сторон о вызове дополнительных свидетелей, отводах суду и удовлетворении других ходатайств, допросах обвиняемых и свидетелей обвинением и защитой, содержании речей и реплик обвинителей и защитников и последнего слова подсудимого — все это оставляет неясным, каким же образом производились эти процессуальные действия и производились ли они вообще.

Более развернутыми были приговоры народных судов. Они содержат вступительную формулу «Именем Советской Федеративной социалистической республики», придающую им силу закона, данные о составе суда, подсудимом и сторонах, формулу обвинения, изложение установленных судом на основе оценки доказательств обстоятельств дела, юридическую квалификацию совершенного преступления, указание на вид и размер наказания. В оправдательном приговоре указывались основания, которыми суд руководствовался при оправдании подсудимого. Приговор подписывался всеми судьями, участвовавшими в рассмотрении дела, в совещательной комнате, тайна которой охранялась. Он вступал в законную силу, если в установленные законом сроки не был обжалован, а обжалованный приговор — после вынесения определения совета народных судей об отклонении жалобы.

Кассационные жалобы подавались осужденными, их защитниками и ближайшими родственниками. Составлялись они по произвольной форме. Особого подхода требуют кассационные жалобы, составленные в первые месяцы после Октябрьской революции, так как авторами этих документов нередко были бывшие присяжные поверенные, в своем большинстве враждебно относившиеся к Советской власти. В составленных ими жалобах за юридической казуистикой зачастую скрывалось стремление оправдать преступную деятельность врагов Советской власти.

В целом же документация судебного разбирательства дает основание заключить, что оно производилось в основном в тех же процессуальных формах, теми же путями и методами, какие характеризуют современный уголовный процесс. Таким образом, подлинно демократические формы советского уголовного процесса, его

направленность на защиту интересов государства трудящихся, его глубокий гуманизм сложились уже на самом первом этапе развития советского права.

Делопроизводство по гражданским делам было в рассматриваемый период намного проще уголовного делопроизводства, что объяснялось преобладанием в его составе элементарных гражданских дел, не связанных с разрешением сложных гражданско-правовых вопросов и отсутствием досудебной стадии в производстве дел.

Как и в документации уголовного судопроизводства, значительная часть документов гражданских дел, имеющих различное содержание и целевое назначение, объединялась одинаковыми названиями — протоколы, постановления и определения. Протоколы составлялись для фиксации хода судебных заседаний и осмотров на месте, если по обстоятельствам дела суду требовалось лично проверить те или иные доводы, выдвигаемые сторонами. Определения назывались судебные документы, принятые коллегиально, и решения судов второй инстанции. Постановлениями именовались решения председателя суда, принятые единолично.

К наиболее типичным документам гражданских дел, кроме того, относятся: исковые заявления граждан; судебные решения — конечные выводы суда по существу дела; документы, служащие письменными и вещественными доказательствами; заключения экспертов; кассационные жалобы истцов и ответчиков. В гражданских делах встречается большое количество вспомогательных документов: повесток, переписки с другими судами и т. д.

Ход производства по гражданским делам и оформление его в документах производилось в следующем порядке.

Инициативными документами, на основании которых возбуждались гражданские дела, служили исковые заявления. В них указывались данные об истцах и ответчиках, содержание исковых требований, ссылки на доказательства, их подтверждающие. Второй экземпляр заявления вручался ответчику вместе с повесткой о вызове в суд. Назначение дела к слушанию каким-либо особым документом не оформлялось. Оно заменялось резолюцией судьи на исковом заявлении. В случае надобности к иску прилагались документы, служащие письменными по делу доказательствами (заемные расписки, накладные, квитанции и т. д.). Довольно часто исковые заявления составлялись не самими истцами, а их поверенными, главным образом из числа бывших адвокатов.

Протоколы судебных заседаний по гражданским делам были еще более неполными, чем протоколы заседаний по делам уголовным. Они содержали лишь сведения об истцах, ответчиках и предмете спора и показания истцов и ответчиков, подписанные ими. Процессуальные действия сторон и суда оставались в протоколах во многом не раскрытыми.

Подобно тому как в уголовных делах выводы суда по вопросу о виновности подсудимого облекались в форму приговора, в гражданских делах документами, в которых формулировались суждения суда относительно удовлетворения гражданско-правовых притязаний, являлись решения. Выносились они от имени Республики и содержали данные о составе суда, истцах и ответчиках, исковых требованиях, фактических обстоятельствах дела, выводах суда относительно судьбы гражданского иска, характера и размера взыскания или же удовлетворения прав истца в неимущественной форме. В решении указывалось также, на кого возлагается уплата судебных издержек, складывавшихся из судебной пошлины и других расходов по делу. Решение подписывалось всем составом суда. Оно вступало в законную силу после истечения срока на обжалование, если решение подлежало обжалованию, а жалоба подана не была. В случае же подачи истцом или ответчиком кассационной жалобы, решение приобретало законную силу после отклонения жалобы советом народных судей. Для исполнения вступивших в законную силу решений истцам выдавались исполнительные листы, на основании которых производились соответствующие взыскания.

Система и характер документов уголовных и гражданских дел определяют собой пути и методы их использования. Эти источники в силу своего обилия и по другим причинам мало пригодны для изучения по ним общих тенденций и направлений деятельности суда. Зато судопроизводственные документы незаменимы для анализа отдельных категорий дел и конкретных судебных процессов. Они дают возможность вскрыть характерные особенности тех или иных групп дел по выбору исследователя, например о спекуляции, хищениях, служебных злоупотреблениях, нарушениях нанимателями трудового законодательства и других уголовных дел. Такие же широкие возможности открывают документы гражданских дел. Используя их, можно получить наглядное представление о характере договорных отношений, наследовании, регулировании права собственности, расторжении браков и т. д. Судебные документы являются, кроме того, основным источником для изучения конкретных судебных процессов, имевших общественное значение.

Исследование документации народных судов как исторического источника должно включать в себя и анализ материалов, отложившихся в процессе деятельности суда, непосредственно не связанной с разрешением конкретных уголовных и гражданских дел. К ним относятся: периодическая отчетность судов, ведомости движения дел, циркуляры и инструкции органов судебного управления (Наркомюста и совнарсудов), переписка с ними, а также с органами следствия, местами заключения и другими учрежде-

ниями, приказы по суду, книги (вещественных доказательств, денежные, исходящих и входящих документов). Останавливаться на этих материалах специально нет надобности, поскольку они не имеют каких-либо особенностей, отличающих их от аналогичной документации других советских учреждений. Но это не означает, конечно, что данная документация не должна приниматься во внимание в процессе исследовательской работы над судебными материалами.